

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Юрий ЛЕВАДА

Перспективы человека: предпосылки понимания

Серию очерков о чертах и судьбе "человека советского" в меняющихся общественных условиях уместно дополнить попыткой представить возможные направления динамики интересующего нас феномена на более или менее отдаленную от нынешней ситуации перспективу. Разумеется, рамки социологического анализа, в том числе опирающегося на данные массовых опросов, исключают умозрительные гадания любого рода. Речь может идти лишь о том, чтобы представить социальное существование человека как некоторый пучок возможных вариантов развития в различных направлениях. В качестве исходной базы при этом может использоваться и "обратная перспектива", т.е. анализ пройденных узлов, развилок, использованных и упущенных возможностей. К тому же, если собственно историческое знание, как принято считать, не имеет сослагательного наклонения, т.е. не имеет права использовать оборот "если бы...", то социологическому воображению (как называл его Ч.Райт Миллс) в таком праве отказать нельзя.

Проблема "дальней" перспективы всегда была больной не только для официально-советского миропонимания, но и для различных направлений протестных и постсоветских идеологов, для российского национального сознания в целом. Линейный взгляд на историю, как правило, сочетался в них с близоруким прагматизмом, т.е. с привязкой социального действия к его непосредственному результату: свободы, порядок, прогресс и благосостояние всегда востребовались в режиме "немедленно". Отсюда болезненное *нетерпение* и неоправданные ожидания, а затем столь же болезненное разочарование отсутствием или двусмысленностью достигнутых результатов. Все эти стадии можно было наблюдать со времен крестьянской реформы XIX в. (если не с петровских перетрясок), переворотов 1917 г., а сейчас — в массовых и элитарных оценках событий последних 10–15 лет.

Негативный фон. В современном общественном мнении результаты перемен последних лет в целом оцениваются, как известно, негативно (табл. 1).

Картина представляется довольно беспросветной: по всем показателям (единственное исключение — свобода информации) безусловно преобладают негативные оценки произошедших перемен. Примечательно, что реже всего улучшения наблюдаются в сфере реальной, "участвующей" демократии, а чаще всего — в сфере демократии "зрительской" (получение информации).

Подобное распределение суждений — это не отражение случайных колебаний массовых настроений: общественное мнение в марте 2001 г. довольно спокойно, хотя 53% респондентов предпочли бы, чтобы положение в стране оставалось таким, каким оно было до перестройки, 71% считают, что они уже приспособились или вскоре приспособятся к переменам.

В любом случае негативное восприятие перемен — долговременный общий фон восприятия населением произошедших изменений и перспектив дальнейшего развития. Этим надолго определяется политическая слабость активных сторонников "курса реформ". (Массовое вынужденное приспособление к ситуации не изменяет положения.)

Тем самым сохраняется устойчивая почва для дискредитации реформ и реформаторов, для попыток вернуть страну к ситуации "до 1985 г.", по крайней мере символически. Если, например, в 1988 или 1991 г. наблюдалась опора на массы для совершения политических рывков и авантюры в разных направлениях (грубо говоря, "вперед" и "назад"), то сейчас — только для попыток попятного движения. Правда, наличие опоры на массы никому не гарантирует успеха, реальные возможности реверсивного курса ограничены рядом экономических, элитарных, международных факторов. В этой ситуации оценки перспективы явно осложняются.

Парадоксы общественного мнения. Исследования последнего времени дают, странную, на первый взгляд, кар-

Таблица 1

Оценка респондентами перемен, произошедших в последние годы*
(в % от общего числа опрошенных)

Как изменились за последние 10 лет...?	Стало лучше**	Без изменений	Стало хуже***	Затруднились ответить
Питание членов семьи	18	28	53	2
Одежда членов семьи	18	25	55	2
Жилищные условия семьи	13	56	30	1
Мебель, бытовая техника в семье	20	39	39	2
Возможности (для детей, внуков) получить хорошее образование	8	20	63	8
Возможности получить хорошее медицинское обслуживание	8	21	67	4
Возможность иметь интересную работу	15	38	27	20
Уровень доходов	15	19	62	5
Положение в обществе	11	46	35	7
Возможность завести собственное дело	17	28	33	22
Возможность получать разнообразную информацию	52	25	18	6
Возможность посещать зарубежные страны	17	29	41	13
Возможности для отдыха	15	21	23	7
Возможность влиять на принятие решений на своем предприятии	6	44	30	20
Возможность влиять на принятие решений в своем городе, районе	6	52	26	16
Возможность влиять на принятие решений в стране	4	55	26	16

* Март 2001 г., N=1600 человек.

** Объединены позиции "значительно лучше" и "в какой-то мере лучше".

*** Объединены позиции "в какой-то мере хуже" и "значительно хуже".

тину взаимоисключающих тенденций в российском общественном мнении.

С одной стороны, очевидная установка на противопоставление своей страны остальному миру: страна окружена враждебными силами, нам никто не желает добра, иностранный капитал стремится колонизировать страну, присвоить ее богатства, действия НАТО направлены против интересов России и т.д.

С другой стороны, практически неизменная тенденция к сближению со странами Запада, преобладание позитивных оценок США и других западных стран, стремление видеть Россию членом Европейского союза, широко распространенное (но не преобладающее) мнение о "европейском" будущем России.

С одной стороны, чуть ли не всеобщая тоска по советскому прошлому (лучше бы все оставалось, как было до 1985 г., плановая система лучше рыночной, возврат к советской системе готовы одобрить около половины населения).

С другой стороны, около 70% утверждают, что уже приспособились или вскоре приспособятся к произошедшим переменам, за продолжение реформ высказываются чаще, чем за их прекращение, деятельность бизнесменов, а в последнее время также иностранные инвестиции, общественное мнение считает скорее полезными.

С одной стороны, всеобщее признание свободы слова как главного достижения всей эпохи перемен, одобрение независимости СМИ и права на критику власти.

С другой стороны, готовность признать государственный контроль за медиа и введение некоей "моральной цензуры" СМИ. (Чрезвычайно поучителен опыт конфликта вокруг НТВ в 2000–2001 гг.: попытки массового протеста, растерянность, в конечном счете — смирение перед силой манипуляции.)

С одной стороны, высокий уровень надежд на то, что нынешний президент сможет навести порядок, поднять благосостояние, добиться победы в чеченской войне.

С другой стороны, довольно сдержанные или просто негативные оценки деятельности президента в различных сферах. (В июле 2001 г. только 14% опрошенных объясняли массовое доверие к В.Путину тем, что он успешно справляется с решением проблем страны, 43% усматривали причину доверия в том, что президент еще сможет справиться с этими проблемами, а 34% ссылались на то, что "люди не видят, на кого другого они могли бы положиться".)

Подобный список можно продолжать довольно долго. Самое странное, на первый взгляд, что перед нами не только и даже не столько несхожесть мнений разных социально-политических, возрастных, образовательных и прочих групп, но "разномыслие" в умах одних и тех же или близких по позициям людей. В прошлые годы распределение мнений по фундаментальным, как казалось тогда, проблемам отношения к советскому прошлому и рыночным реформам довольно строго соответствовало возрастному рубежу — 40 лет. Но суждения о проблемах новейшего происхождения — управляемой ("административной") демографии, чеченской войны, манипуляции СМИ — как будто не связаны ни с возрастными, ни с образовательными, партийно-политическими и прочими стандартными характеристиками. (На показатели, приведенные в таблице 1, возрастные различия опрошенных почти не влияют.)

Поэтому любая из перечисленных выше позиций может в разных контекстах оказываться *"мнением большинства"* и получать разную практическую трактовку. Если, например, за продолжение рыночных реформ высказываются около 30%, за их прекращение — около 25, а 40% воздерживается, то имеются возможности для двух полярных "мнений большинства".

В социологической литературе такая ситуация иногда трактуется как выражение "незрелости", "разорваннос-

ти" даже *"шизофреничности"* современного общественного мнения в России. Однако самые удачные названия, словесные формулы объясняющей силой не обладают, поскольку отмечаемые с их помощью феномены или аналогии сами нуждаются в объяснениях.

Принципальная задача понимания не в подборе подходящего обозначения, термина, а в том, чтобы вскрыть механизм взаимообусловленности позиций, которые представляются полярно противоположными. Скажем, такое сближение с внешним миром, которое несовместимо с привычным имперским самосознанием и потому кажется унижительным. Или демократические свободы, вынужденно дарованные властью, а потому с легкостью превращаемые в предмет властного манипулирования. Или реформы, которые приводят к длительному падению жизненного уровня населения и тем самым создают массовую почву для недовольства ими и т.д. Другая сторона действия тех же, по существу, механизмов — неоднократно обсуждавшееся в журнале соотношение декларативного (желаемого) и реального (вынужденного) поведения. Это постоянно находит отражение в данных исследований общественного мнения.

Но ведь само общественное мнение лишь фиксирует особенности нашей социально-политической сцены, примитивность ее ролей и масок, текстов и декораций. Будущим исследователям (современникам это различить трудно) предстоит разбираться, в какой мере такое положение можно считать атрибутом "переходности" социального времени, а в какой — российской (российско-советской) традицией. В значительной мере, однако не полностью, от этого зависит и перспектива следующих 50–100 лет. (Не полностью, так как развитие ситуации определяется не только состоянием "человеческого материала", раскрываемого опросами, но и судьбой элитарных групп, социальных институтов, внешних воздействий и пр., иначе говоря, от всей социальной конструкции.)

Две ключевые проблемы подхода к анализу возможных перспектив интересующего нас феномена — понимание исходного, нынешнего его состояния (т.е. "массового" человека в современной российской ситуации) и адекватная характеристика механизма или по крайней мере парадигмы его возможных трансформаций. Приходится преодолевать соблазн "простейших" вариантов, например, экстраполяции нынешнего образца в отдаленное будущее, конструкции желаемого (утопического) социально-антропологического типа, рационального процесса совершенствования наличного "человеческого материала", воспроизводства в отечественных условиях стадий и форм развития, пройденных ранее другими общественными системами, а также различных вариантов реверсивных (попятных) или циклических трансформаций. Какие-то элементы подобных вариантов можно обнаружить, в том числе и с помощью массовых опросов. Но никакого единого механизма изменений — будь то экономический (в духе концепций экономического или технологического детерминизма — даже при самом фантастическом технико-экономическом прогрессе в наступившем столетии), нравственный, глобализующий или иной — обнаружить не удастся и, скорее всего, не удастся. Остается внимательное рассмотрение действующих, а также ушедших в прошлое и формирующихся "фигур" общественных перемен с помощью имеющихся эмпирического и мыслительного материалов.

"Человеческие" последствия догоняющей модернизации: российские версии. Запоздалая или "догоняющая" модернизация нигде и никогда не напоминала в XX в. плавный эволюционный процесс освоения достижений мирового прогресса на благо населения новых или обнов-

ленных государств. Использование определенных (прежде всего военно-промышленных или просто "оружейных") достижений западной цивилизации традиционными общественными системами, выход на поверхность новых национальных, клановых, религиозных разделений и амбиций, массовое нетерпение, а иногда еще и революционный авантюризм, — все эти факторы неизбежно придавали общественному развитию, если рассматривать его в глобальных масштабах ушедшего столетия, конвульсивный и болезненный характер. Практически все "догоняющие" страны и регионы воспроизвели не "рациональную", а "иррациональную" составляющую европейской модели, т.е. скорее ее катаклизмы, чем ее преимущества. Вопреки всем расчетам прогрессистов и социалистов утопического периода (XIX в.), новые национальные консолидации и разграничения приобрели больший вес, чем классовые или идеологические. Ошибка либералов и социалистов состоит в том, что они считали нацию пережиточной, традиционной структурой, которая отмирает или теряет значение в модернизационных процессах. На деле же современные национальные консолидации, разграничения, символы, противопоставления, затрагивающие массовые переживания и комплексы, — неизбежные продукты модернизации на определенных ("формирующих") ее этапах, точно так же, как транснациональные образования на более поздних этапах. В Европе ситуация стала изменяться в пользу новой интеграции лишь к концу прошлого века, но положение во многих "догоняющих" странах (Азии, Африки) скорее осложнилось. Новые государства, избавляясь от колониализма, часто утверждают себя самым простым способом — противопоставлением "Западу" (а сейчас еще и "глобализму").

Другая важная черта "догоняющих" обществ — неравномерность, разрыв во времени технических, экономических, социальных, политических, нравственных процессов. Отсюда — парадоксальные сочетания разнопорядковых структур. Вопреки иллюзиям экономического детерминизма во многих странах традиционные диктатуры или деспотии в условиях привнесенного или милитаризованного экономического роста укреплялись (или уступали место не менее деспотическим и диктаторским "освободительным" режимам).

Все эти "завихрения" прогресса Россия испытала, освоила и, по всей видимости, до сих пор не преодолела.

Феномен "многослойности" социального времени. Одна из весьма важных особенностей российской истории — наслоение разновременных социальных, социокультурных, социально-политических структур. Отсюда многослойность, как бы протяженность во всех направлениях: "вдаль" (территория для России всегда имела социальные и исторические измерения) и "вглубь" социального и человеческого материала, испытывающего воздействие преобразующих и разрушающих факторов. В этой толще меркнут и гаснут, трансформируются любые импульсы перемен, на любой тип действия находится соответствующая форма противодействия, преимущественно пассивного, адаптивного. В итоге "понижающий трансформатор" работает на всех уровнях, приспособляя импульсы перемен, откуда бы они ни исходили, к своему образу жизни и сознания. Это относится и к "массе" (многочисленные "низовые", по характеру жизни наиболее косные слои) и к разнообразным группам элиты — консервативным, прогрессистским, эгоистическим и пр., и, разумеется, к бесконечной российской "глубинке", отнюдь не только пространственной. (Это наверняка не исключительная особенность России, но вряд ли где-нибудь разновременность социальных процессов играла столь важную роль и могла проявляться столь наглядно.)

Поэтому, в частности, в России никогда не были возможными эффективные (соответствующие каким бы то

ни было замыслам и планам) изменения "сверху" — каждая волна перемен, навязанных волей власти или стечением обстоятельств, переходя от одного временно-го слоя к другому, от центра к периферии, трансформировалась многократно, создавая как очаги молчаливого сопротивления, так и многообразные формы мимикрии и приспособления к переменчивым обстоятельствам. Сопротивление любым переменам (независимо от их направленности) в России всегда опиралось прежде всего на эту инерцию социального и "человеческого материала", в меньшей мере — на чье-то заинтересованное или привычное противодействие. М.Горбачев как-то привел популярный афоризм своего времени: "перестройка как ветер в тайге, качаются верхушки деревьев, а внизу никакого движения не заметно". Позднейшие фольклорно-политические вариации "хотели, как лучше..." и т.д. разрабатывают ту же извечную модель. Важно в данном случае то, что перед нами не просто ряд исторических примеров, а парадигма, своего рода стандарт преобразующих процедур. Этот стандарт сохраняется не только массовой инерцией, но и действием вполне определенных рудиментарных социально-политических структур — военных и карательных, которые выступают хранителями и инкубаторами традиционно-советских поведенческих типов.

Шансов на преодоление этой парадигмы в обозримом будущем, скажем, на два ближайших поколения или дольше, не видно. Протяженность российской социальной реальности "вглубь" принципиально отличает ее от "одновременной" реальности американской, немецкой, польской, эстонской и т.д.

Согласно многократным исследованиям, заметная часть населения России, около 15%, постоянно утверждает, что живет, "как раньше", не чувствуя перемен последних лет. Причем особенно любопытно то, что это в большинстве своем вовсе не обитатели "географической" российской глубинки: больше всего их среди жителей крупных городов, — почти треть (29%) относящих себя к "верхней части среднего слоя" и 30% считающих, что "все неплохо, и можно жить" (данные майского мониторинга 2001 г.).

Время империи в обществе и в человеке. Имперское сознание, точнее, мировосприятие — существенный конструктивный элемент российского государства XVIII и массового менталитета с давних (примерно с XVII в.) до нынешних пор. (Именно поэтому не кажется лишней очевидная оговорка: никаких оценочных, уничижительных или возвеличивающих моментов при исследовании этого феномена не должно быть.) Выделим три основных компонента этого явления: положение страны в мире (реальное или воображаемое участие в решении судеб мира); отношение к зависимым странам и народам (миссия насаждения своей цивилизации и наведения порядка); самоутверждение и самооправдание (отсталости, насилия, жертв). В исследовании современного общественного мнения на первый план выступает последнее.

Комплекс незаслуженного поражения, унижения, появившийся после крушения "большой" советской империи в 1991 г., составляет не только основу массовой ностальгии, но и источник надежд на реставрацию имперского комплекса хотя бы в "суженных" рамках — Россия как великая держава (в ядерном и ООНовском смысле), административно-лидирующая миссия по отношению к условной "периферии" (куда попадают регионы Поволжья, Северного Кавказа, Сибири) и, естественно, соответствующий набор оправдательной аргументации. Опыт последнего десятилетия XX в. показывает, что цивилизованный выход из имперского тупика в России не найден и в ее массовом сознании практически не заметен.

Неудача воинственного противостояния Западу и падение "железного занавеса" действительно сблизили Россию с остальным миром, но в то же время показали ее нынешнее реальное положение как периферии европейской цивилизации. (Собственно, в международных сравнениях и в советские, и в досоветские времена страна занимала место на периферии Европы — об этом в 30-е годы писал проницательный аналитик Г.Федотов. В условиях противостояния этого не было видно.) Более того, развитие обстановки в странах бывшего "третьего мира" показало, что Россия оказалась и на периферии Азии, поскольку магистрали развития ведущих стран (Японии, Китая), "тигров", нефтяных царств — все прошли мимо нас, сложные связи Азии с Западом развиваются, минуя Россию.

В результате Россия воспроизводит на своей территории катаклизмы имперского и постимперского типов, но не находит цивилизованных способов их преодоления. Это касается и отношений с бывшими союзными республиками, с нерусскими в России. Обратная сторона всякого имперского комплекса — "антиимперский" комплекс, порождающий тенденции нового национального самоутверждения, реализуемые часто далекими от цивилизованности средствами. Одно из проявлений этого, выявленное, кстати, в ряде опросов общественного мнения, — позитивное отношение большинства к сохранению в паспортах "пятого пункта" (указания на национальную принадлежность). Причем это позиция как доминирующей этнической общности (русских), так и менее многочисленных национальных групп (татар и др.): одни хотят напомнить об исторических корнях собственной значимости, другие добиваются нового самоутверждения. Получается, что переживание национальной идентичности обостряется с обоих концов разорванной цепи.

В некоторых случаях общественное мнение, руководствуясь, видимо, сугубо прагматическими соображениями, обнаруживает стремление несколько скорректировать имперские стереотипы. Так, признаками "великой страны" опрошенные чаще всего считают высокий уровень экономики и благосостояния, соблюдение прав и свобод человека, значительно реже — обладание ядерным оружием (сентябрь 2000 г., N=1600 человек). Но почти две трети (63%) предпочитают бы жить "в огромной стране, которую уважают и побаиваются другие страны", и всего 28% — "в маленькой, уютной, безобидной стране". Комплекс величия издавна связан с представлением об "огромности" государства.

Чеченский узел — самый трагический и наглядный пример тупиковой постимперской ситуации в России. ("Постимперской" правомерно называть ситуацию, когда имперские комплексы действуют после разрушения имперских механизмов господства.) Ни политическое, ни массовое сознание в стране не в состоянии найти способ преодоления кровавого конфликта, в котором не может быть победителей.

Варианты преодоления имперских комплексов дает новейшая европейская история — формирование новых условий для нормальных отношений между бывшими метрополиями и бывшими колониями, а также между "историческими" соперниками в Европе. Сегодня российское общество (на всех его этапах, включая общественное мнение) значительно ближе к наименее цивилизованным, "югославским" вариантам переживания постимперской ситуации.

Непреодоленное бремя империи — еще одно существенное отличие российской ситуации от польской, венгерской и пр.

Поиск "поводыря": масса, элита и власть. В начале XXI в., как и 100 лет назад, в России продолжается

спор о том, "кто виноват" (с вариантами ответа — лидеры, элита, или "народ", масса) и кто способен вывести страну из очередного тупика. Эту вечную тему приходилось рассматривать с разных сторон, в данном случае ограничусь некоторыми соображениями, относящимися к теме статьи.

Представления о "стихийных" настроениях и действиях масс, которые могут использовать и подчинить своим нуждам профессионалы революции, восходят к тому же набору упрощенного прогрессизма конца XIX в., испытанному на практике в последующем столетии. Ничего, собственно, "стихийного" в социальных действиях не бывает. Существуют привычные, традиционные ориентиры и способы действия, которые могут активизироваться в измененных условиях, вступать в сложные коллизии с прогрессивными тенденциями и образовывать с ними причудливые симбиотические конфигурации. Осознанные намерения и действия играют подчиненную роль в них на всех без исключения уровнях социальной организации. "Вынужденный" и противоречивый, неоднозначный характер российских перемен, о котором приходилось писать ранее, проявляется на всех этапах происходящих преобразований, в том числе и на последнем ("постпереходном" или "посттермидорианском", в трактовке разных авторов). Убежденные или декларативные демократы считают себя обязанными поддерживать заведомо антидемократические действия властей (или, по меньшей мере, смиряться с ними, находя оправдания собственной слабости), а воинственно-патриотически воспитанные и ориентированные деятели вынуждены учитывать экономические и международные реалии, в какой-то мере использовать лексику и набор средств "демократического происхождения". В результате поверхность общественной жизни приобретает как бы закамуфлированный вид, и это непосредственно сказывается на распределении оценок общественного мнения.

Старомодная квазимарксистская, скорее характерная для ленинизма схема преобразований (революции) как взаимодействия "сознательной" верхушки (элитарные группы, организации революционеров, прогрессивные диктатуры) и "стихийной" деятельности масс очень мало подходит для описания процессов перемен в современных отечественных условиях (а возможно, и не только в них). Представление об общей (предположим, цивилизационной, демократической) направленности желаемых перемен не превращает действия их сторонников в сознательные. Слабо организованная политическая верхушка последнего периода "бури и натиска" (перестройки, реформ) в лучшем случае представляла, "с чего начать" разрушение старой системы, и практически не знала или не принимала во внимание, как это отзовется в разных слоях и группах общества. (Напрасно было бы их в этом упрекать: ослепленные собственной миссией или амбициями люди, как правило, становятся близорукими, но именно это и позволяет им достаточно решительно действовать.) Призрак "экономического материализма", многократно опровергнутого историей XX в., сослужил скверную службу реформаторам, утешавшим себя и страну тем, что с изменением хозяйственных отношений все остальное само собой уладится и расцветет. Эта иллюзия, по меньшей мере, привела к двум тяжелым ошибкам: во-первых, это невнимание к нуждам простого, "массового" человека, лишившее реформаторов шансов на массовую поддержку, а во-вторых, это надежда на "реформаторский" потенциал недемократических властных структур и персонажей, приводившая к тому, что реформаторы трижды (при трех президентах) упустили возможность обрести собственное политическое лицо.

Утраченные иллюзии "перестроечных" и последующих лет околореформенных конвульсий — это не просто массовое разочарование в демократических идеях и лозунгах, это показатель неудачи той элитарной, квазихаризматической, а на деле бюрократической, структуры, которая исполняла роль движущей силы общественных перемен. Реформаторы имели высокие показатели общественного доверия в самый трудный переломный момент 1991 — 1992 гг., но даже не попытались превратить кредит доверия в систему гражданских организаций и нормально работающих институтов. Поэтому вполне закономерно, что по мере исчерпания надежд на квазихаризматических лидеров массовые ожидания начинают связываться с чиновником, получившим рычаги власти. Два года, прошедшие после властного перехода 1999—2000 гг., показывают, что очередная трансформация власти в стране при всей ее слабости, шараханиях "курса", возможных перестановках персонажей и т.п. может быть обречена на довольно длительное существование. Если рассматривать ситуацию в плане властной или управленческой организации общества в целом, а не только его правящей верхушки или отдельных личностей, то можно попытаться представить обоснованность различных вариантов перспективы.

Рассмотреть их уместно в парадигме "мобилизующего"-"либерализующего" типов развития, на которые недавно обратил внимание В.Мау (правда, в терминах типов революции).

Атрибуты "мобилизующего" развития, применительно к российским условиям наступившего столетия — концентрация власти вплоть до единоличной диктатуры, воссоздание (под разными вывесками) механизмов элитарной и массовой поддержки, формирование новой "преторианской" политической элиты, централизованный контроль за основными экономическими ресурсами. Этот набор, естественно, дополняется попытками создания искусственной, вторичной харизмы лидера, т.е. не приводящей его к власти, а конструируемой с ее помощью на уже достигнутом "рабочем месте". Другое дополнение такой конструкции — патерналистская, опекаемая властью и служащая ей образованная, духовная, даже и церковная элита.

Согласно опросам, общественное мнение сегодня почти готово принять или даже приветствовать подобный вариант. Существующие конституционные формы (парламент, выборность), как показывает отечественный исторический слух, в частности за последние два года, достаточно легко приспособляются к мобилизационным тенденциям. Не препятствуют ему ни частная собственность, ни множественность хозяйствующих субъектов (более сложный вопрос — участие в мирохозяйственных связях; советские и китайские варианты адаптации к ним известны).

Реализация любых мобилизационных сценариев предполагает высокую сплоченность правящей элиты (и правящей верхушки в более узком смысле слова), эффективное использование механизмов массового социально-психологического напряжения (увлечения, страха). То и другое трудно представить продуктами каких бы то ни было "технологических" разработок, в XX в. для подобных массовых экспериментов в разных странах (Россия, Германия, Испания и др.) требовались как минимум общенациональные катастрофы. Кроме того, общественные системы мобилизационного типа никогда не были способны к самовоспроизведению, т.е. к воспроизводству собственных социальных и "человеческих" компонентов. Поэтому мобилизационные общественно-политические системы имеют внутренне ограниченный лимит времени для существования.

Можно полагать, что в перспективе мобилизационные варианты (во множественном числе) имеют шансы на не-

полную и "импульсную", относительно кратковременную, реализацию.

Вариант доминирования реальной личной харизмы в сложно организованном и дифференцированном, к тому же прагматическом обществе мог бы иметь какие-то шансы на реализацию только в ситуации общенациональной (или даже общемировой) катастрофы такой силы, которая была бы способна разрушить всю институциональную и групповую общественную структуру. Катастрофы общенационального масштаба довольно редки, уникальны, поэтому трудно вообразимы. При существующей на начало столетия расстановке мировых сил ситуация военного разгрома кажется исключенной, варианты глобально-военных событий второй половины века, скорее всего, связаны с развитием "китайского" или, что менее вероятно, "исламского" факторов: но сами эти факторы лет через 50 могут существенно трансформироваться. Несколько более вероятной представляется перспектива техногенной катастрофы, какого-нибудь Суперчернобыля (ядерного, химического). В любом из поддающихся воображению вариантов институциональная структура ("социальная ткань") общества и мирового сообщества имеет шансы на сопротивление и восстановление.

Примерно по тем же причинам не кажется реальным для российского общества вариант неополитической, "духовной", пророческой харизмы. (Напомню, что, по М.Веберу, образец собственно харизматической личности это Наполеон, а Лютер.) Фантом "духовного лидерства", с которым в XIX в. связывала свою миссию русская интеллигенция, в иных по своей природе общественных разломах — нынешних или будущих — перспективы очевидно не имеет.

"Либерализующие" варианты (тоже во множественном числе) означают не высвобождение, а реальное формирование институтов разделения властей, в том числе парламента и судебной системы, свободных от административного контроля, независимых гражданских организаций и т.д. Переход от декларативного, т.е. нынешнего, к действительно существующему таким институтам гораздо сложнее и дольше, чем переход от тоталитарных порядков к либеральным декларациям. Весьма вероятно, что в рамки наступившего столетия, т.е. ближайших трех поколений, он не сможет уложиться, даже если допустить возможность непрерывного развития ситуации по одному варианту.

Скорее всего, человека XXI столетия в России ждут новые потрясения и повороты "курса" (не власти, но истории...), импульсы мобилизаций и промежутки преобладания либерализационных тенденций.

Что значит "человек обыкновенный". В одной из предыдущих коллективных работ, пытаясь представить сложность положения человека "советского" в постсоветский период, специфика которого еще была малопонятной, исследователи использовали такое объяснение: "После развала советской системы на поверхность вышел не сказочный богатырь, а человек, готсвий приспособляться, чтобы выжить. Готовый декларировать свою приверженность демократии из отвращения к старой системе власти, но никак не приспособленный к демократическим институтам (да и не имеющий их). Готовый — так это было до недавнего времени — следовать в моменты эмоционального подъема за новыми лидерами в надежде на то, что они окажутся вождями, отцами и спасителями народа. (А потому, кстати, склонный довольно быстро от этих лидеров отворачиваться, если они таких надежд не оправдывают.) Готовый демонстрировать предпочтения рынку и приватизации, но лишь в малой степени приспособленный к самостоятельному экономическому поведе-

нию, и т.д. Из этой двойственности соткан мир человека советского, как внешний, так и внутренний»*.

Накопленный опыт исследований дает основания считать такую трактовку ситуации слишком примитивной прежде всего по своим методологическим посылкам. Стало очевидным, что человек "советский" в постсоветских условиях руководствуется не только стремлением выжить, сохраниться, приспособиться к пониженному уровню существования. Это еще и человек униженный, одержимый комплексами социальной, государственной, национальной неполноценности. Человек, склонный за всеми неудачами видеть происки "врагов" и считать виновными в развенчанных кумиров (М.Горбачева, Б.Ельцина, снова М.Горбачева). Человек, "обиженный за державу", т.е. мучительно страдающий комплексом имперского самосознания при отсутствии империи. Человек, предельно уставший от беспорядка и "беспредела". На уровне деклараций он ценит свободы, демократию, плюрализм, но не склонен и пальцем пошевелить для их поддержки, особенно в трудный момент. Куда выше свобод он ставит порядок (хотя бы квазипорядок) и собственное благополучие, которое оказалось таким хрупким в эпоху перемен, и поэтому готов, по крайней мере на время, поверить любому, кто пообещает навести порядок, пусть даже самым варварским образом, особенно, если новый лидер по стилю поведения отличается от давно дискредитировавшего себя в общественном мнении Б.Ельцина.

Этот "новый" (в очень условном смысле, конечно) человек не герой, не боец, не фанатик. Он первым страдает от всех перемен, но совсем не хочет быть страдальцем, несчастным, он готов вертеться, искать свою нишу в новом порядке, умерять свои запросы и надеяться на удачный случай. Человек сегодня не жаждет подвигов, не ценит их и потому в кумирах своих не хочет видеть сверхчеловеков, потрясателей основ, небожителей (а ведь все наши вожди с революционных лет до М.Горбачева и Б.Ельцина претендовали на такой имидж). Скорее он готов видеть кумира в неприметном чиновнике на ответственном посту при этом с минимумом эмоций (характерно эмоциональное отношение населения к В.Путину по ряду опросов: восхищение — 3%, симпатии — 30%...). Времена героев и подвигов как будто прошли.

Этого человека столь же бессмысленно упрекать в том, что он "оказался" неготовым к демократии, как российскую политическую и прочую элиту — в том, что она не сумела должным образом воспитать народ и привести его к светлому демократическому будущему. Никто и никогда, по крайней мере в отечественной истории, не был "готов" к какому-либо серьезному повороту, но все вынуждены были приспособляться к тому, что случилось.

Ведущий персонаж наступившей эпохи — "человек обыкновенный", Homo habilis, которого долго поносили как обывателя, живущего собственными интересами. В конечном счете все великие потрясения именно для него и происходят.

Дежурный, хотя и принципиально нелепый, вопрос: может ли этот человек "взорваться", взбунтоваться? До 20% в каждом двухмесячном опросе заявляют о готовности протестовать, но никогда этого не делают. Ни в человеке, ни в обществе не заложен сегодня "часовой механизм" бунта, массового взрыва антивластного насилия. Слишком сильны механизмы адаптивные, и слишком ясна беспомощность человека перед силой государства. В современных бедных и богатых обществах бунтов не бывает. Нереальны они и у нас, если, конечно, исключить упомянутый ранее вариант всеобщей ката-

строфы. Реальная проблема не в воображаемом "бунте", а в условиях для цивилизованного и эффективного общественного протеста. Пока их нет, но в отдаленной перспективе они могут появиться.

Кривые дороги и ограниченная рациональность (отступление теоретическое). Если суммировать опыт всех преобразований и перемен последних двух столетий, то напрашивается простой вывод: история "прогрессивного" времени не знает прямых дорог — ни в передовых, ни в догоняющих, ни в подражающих тем или другим странам. Тем более у нас. Никакое накопление знаний, технических достижений, никакие темпы экономического роста, который, впрочем, никогда как будто не бывает непрерывным и плавным, не обеспечивают гармонического социального развития. Не обеспечивают его и самые высокие нравственные принципы или самые разумные правовые рамки. Формой социального движения остаются кризисы, конфликты, катаклизмы, конвульсии, катастрофы разных масштабов (некоторые из них часто относят к революциям). Разнородность и разнозначность таких феноменов общественного развития в данном случае оставим в стороне, остановимся лишь на особенностях социальных процессов и действий, которые генерируют конвульсивный характер суммарного движения.

Дело в том, что никакой "единой" или "общей" логики социальных действий не существует, в социальном мире нет ни "великого часовщика" XVIII в., ни "невидимой руки" А.Смита, призванной приводить к общему знаменателю разнородные интересы участников рынка. Социальная сцена куда сложнее рынка. Даже если считать вполне рациональными действия отдельных субъектов — что весьма сомнительно, скорее можно говорить, что каждое из них имеет свою "логику" — общая картина получается не то мозаичной, не то хаотичной, не то описываемой через "логику" конфликтов сил, амбиций и пр. Так было в XIX и XX вв., сейчас трудно представить себе, чтобы в XXI в. ситуация была иной. Хотя бы потому, что реальные последствия и конвульсии прогресса в глобальных масштабах еще только намечаются. Отечественная история и в XIX в., и в XX в., как и современная российская действительность, многократно это подтверждают. Материал для размышлений дают и накопленные данные изучения общественного мнения.

Модель "достижительной" рациональности, максимизирующей некое благо, лишь один из возможных идеальных типов, с помощью которых нельзя описать всю систему человеческого поведения, индивидуального или социального. Ничуть не "хуже", не менее пригодна, модель поддержания наличного статуса и типа жизни с помощью рационально рассчитанных средств, или поведение человека, движимого амбициями, завистью, честолюбием, или модель "исполнительного", послушного чужой воле поведения и т.д.

Аксиома человеческой рациональности, т.е. самого существования Homo sapiens, предполагает, что человек обдуманно выбирает наиболее эффективные средства для достижения определенной цели или реализации определенных интересов. Сама "цель" или "интерес" при этом задаются "свыше" — традицией, социальной нормой, группой и пр. Да и набор доступных и допустимых средств тоже, не говоря уже о критерии "эффективности", который в социальном и массовом действии не подсуден индивидуальному разуму. Рациональность действия всегда оказывается ограниченной набором условий и факторов.

Массовое сознание (общественное мнение), видимо, имеет свою "логику" или свой набор "логик", способов оценки социальных феноменов и выбора способов действия. При этом движущей силой чаще оказывается не рациональный расчет, а "заготовленные", закрепленные в

* Советский простой человек. М., 1993. С. 265-266.

недрах, глубинных слоях этого сознания *комплексы*. Можно допустить, что это более сложные структуры по сравнению с хорошо известными чисто психологическими феноменами. Взаимосвязанными компонентами их служат претензии и переживания неполноценности, привычки и иллюзии, стремления к реваншу и др. Фигурально выражаясь, *не разум, а комплексы "правят" миром общественного мнения.*

Простой пример. По многим регулярно повторявшимся опросным данным, население России значительно выше ценит деловые и моральные качества западных бизнесменов по сравнению с российскими. И в то же время теми же голосами требует обеспечить отечественным предпринимателям преимущества перед иностранцами на российском рынке, боится проникновения иностранного капитала в страну, особенно в крупный — а значит, и наиболее рационально организованный — бизнес и в сельское хозяйство. (В шумной битве вокруг Земельного кодекса массовые суждения всегда были против допуска иностранцев к земельной собственности.)

Здесь в полную силу работает социальный комплекс неполноценности, побуждающий ставить во главу угла не расчеты экономической эффективности или принципы правового универсализма, а сакральный страх утраты "национального богатства", а кроме того, и страх перед секуляризацией, превращением в предмет экономических отношений таких традиционно мифологизированных категорий, как "земля-матушка", собственность и пр.

В XXI в. мир, в том числе и "наш", станет значительно сложнее, но вряд ли станет разумнее. Может меняться модальность или значимость тех или иных компонентов "комплексного" (в отмеченном выше смысле) механизма, но сам он останется определяющим.

* * *

Напомню, что в задачу статьи не входит прогноз темпов или характера трансформаций, которые предстоят человеку постсоветскому в перспективе столетия. Обсуждаются лишь предпосылки исследования такой перспективы.

Перемены на человеческом уровне можно, очевидно, наблюдать в трех рамках времени: переоценки ценностей (ориентации), вертикальной мобильности, смены поколений. Переоценка ориентиров значительной части населения (от "социалистических" к "демократическим", а иногда и наоборот, "от Савла к Павлу" и обратно) в связи с увлечениями-разочарованиями минувших лет на обозримый период как будто завершилась, как завершилась и фаза первоначальных передвижек общественных слоев — выдвижение на лидирующие позиции более молодых и менее отягощенных советским прошлым кадров, частичное отступление старой элиты на запасные позиции. На очереди общая смена активных поколенческих групп. В перспективе ближайших 20-25 лет поколения, сформировавшиеся в советских условиях, практически целиком сменятся людьми "новой" формации. Эти люди наверняка будут более прагматичными, индивидуалистичными, ориентированными на благосостояние "западного" типа, более свободными от социальной мифологии эгалитаризма и т.д. Из этого не следует, что новое (условно) поколение окажется более приверженным ценностям демократии и гуманизма, свободным от имперских комплексов. У российского общества нет шансов пойти путем "восточной" (китайской, арабской, корейской) модернизации, но у человека постсоветского, видимо, надолго останется шанс сочетания "полуазиатского" ("полусоветского") лица с более европейским стилем жизни. Если, конечно, не произойдет слишком больших потрясений (например вокруг того же имперского комплекса).

Тимоти КОЛТОН, Майкл МАКФОЛ

Верно ли, что русские не демократы?*

В последнее время среди политиков, в средствах массовой информации, в академических кругах складывается и, похоже, закрепляется на правах некоей истины новая точка зрения на ситуацию в постсоветской России. Согласно ей, эксперимент, связанный с развитием демократии в России, потерпел неудачу.

Политические и экономические реформы 1990-х годов были до такой степени непонятны и беспорядочны, что повлекли за собой массовое разочарование в ценностях демократии и возрождение авторитаризма. Иными словами, россияне отказались от дальнейшего движения в сторону демократических преобразований.

Западные исследователи, которые придерживаются данной точки зрения, видят причины подобных неудач в самой России, в особенностях российского менталитета и как будто бы находят этому эмпирические подтверждения. Так, по данным опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМ в январе 2000 г., во всероссийской выборке, 75% респондентов выразили согласие с утверждением, что порядок важнее демократии и его следует поддерживать, даже если это приводит к нарушению демократических принципов и ограничению индивидуальной свободы**.

Некоторые исследователи идут еще дальше, полагая, что нынешние антидемократические настроения связаны с крушением устойчивой системы российских ценностей и традиций. Россияне тяготеют к сильной государственной власти и сильному лидеру — это заложено в их культуре и определяется такими факторами, как влияние православной церкви, патерналистские ценности сельской общины, многовековая власть царя и более поздние явления: преобладание в течение длительного времени ценностей марксизма-ленинизма и социализма. Н.Бирюков и В.Сергеев отмечают, что проблемы, с которыми столкнулась Россия в последнее десятилетие XX в., не единственные в длинном ряду неудач, которые ей пришлось пережить:

"За последние 90 лет было шесть неудачных попыток установления демократического режима в России. Сюда относятся созывы I, II и IV Государственных Дум (соответственно в 1906 г., 1907 г. и 1912 г.; Учредительного собрания в 1918 г.; образованного Совета народных депутатов и Верховного Совета СССР и РФ в 1989-1990 гг. и Государственной Думы в 1993 г. Учитывая все это, правомерно задать вопрос: почему все попытки учредить институт представительной власти заканчивались столь драматически, если не сказать трагически? Так как все эти события имели место в разные исторические периоды, при разных политических режимах, то нам необходимо выявить те черты российского общества, которые претерпевают медленные изменения и остаются относительно неизменными при всех политических режимах. Это необходимо для целей нашего исследования, которое направлено на то, чтобы определить факторы, препятствующие развитию представительной демократии в России, в первую очередь это касается политической культуры***.

Н.Бирюков и В.Сергеев в своих оценках не одиноки. Ведущие специалисты в области сравнительной политологии

* Colton T.J., McFaul M. Are Russians Undemocratic? Wash.: Carnegie Endowment for International Peace // Working Papers Russian Domestic Politic Project. 2001.

** Общественное мнение—2000. М.: ВЦИОМ, 2000. С. 68.

*** Biryukov N., Sergeev V. Russian Politics in Transition: Institutional Conflict in a Nascent Democracy. Brookfield, Vt.: Ashgate Publishing, 1997. P. 3.